

АЛЕКСАНДР ЛАПТЕВ

Колымские пути-перепутья

В октябре 2015 года я посетил город Магадан. И вот теперь, четыре месяца спустя, «пишу записки впечатлениям вдогонку» (по образному выражению Владимира Высоцкого). Но с первого же шага дело застопорилось, передо мной встал вопрос: с чего начать? И как втиснуть в короткий очерк всё то, что я увидел и запомнил за семь дней пребывания на суровой колымской земле? Впечатлений невероятно много, материала — тьма тьмущая! Почти тысяча цифровых фотографий, несколько часов высококачественной видеосъёмки (большая часть фото и видеоматериалов была мне подарена жителями Магадана — Павлом Ждановым и Натальей Ивановой, за что им сердечное спасибо). Множество встреч и разговоров с необычными и очень интересными людьми, преодоление полутора тысяч километров по суровой колымской трассе, и все эти заброшенные в чёртову даль посёлки с почерневшими от времени бараками, эти угрюмые безлесные сопки, тянущиеся на тысячи километров во все стороны света, это бездонное колымское небо, от которого разит холодом, эти странные цвета и кружащие голову острые запахи неведомой земли — как обо всём этом рассказать на тридцати страницах? Тут нужна книга — отменно толстая, с подробностями и отвлечениями, со множеством фотографий и ремарок, с авторскими отступлениями и историческими справками. А ещё лучше — многосерийный фильм, такая сага о Колыме из двадцати полновесных серий. Да и то будет мало. Обо всём рассказать невозможно.

Но что-то сказать о своей поездке я всё равно должен. И я решил, не мудрствуя лукаво, по возможности точно изложить хронологию событий. То есть как прилетел в Магадан, что там делал и почему так быстро вернулся в родной Иркутск (а не остался в бухте Нагаево загорать и купаться). Но прежде следует сказать о цели моего путешествия, о мотивах и замыслах. Ведь странно это: вдруг взять и поехать на самый край земли — туда, куда ещё совсем недавно людей везли через всю страну в битком набитых столыпинских вагонах с решётками на окнах и вооружённой до зубов охраной, и откуда все они страстно мечтали вырваться. Но вырваться посчастливилось не всем. Сотни тысяч невинно осуждённых людей навеки остались лежать в холодной колымской земле. Среди этих сотен тысяч — наш земляк, знаменитый писатель-партизан, именем которого назван Иркутский Дом литераторов. Я говорю о Петре Поликарповиче Петрове, расстрелянном на Колыме 23 октября 1941 года (по приговору Военного трибунала от 26 августа 1941 года, как сказано в замечательном очерке В.П. Трушкина, «как подобает истинным бойцам»; очерк включён в книгу «Друзья мои...», изданную в Иркутске в 2001 г. в издательстве «Сапронов Г.К.»).

Пётр Поликарпович Петров

Как же так случилось, что такой уважаемый человек был признан врагом народа, вредителем и террористом, а потом отправлен на Колыму и там казнён? И что это за странные зигзаги судьбы? То он крестьянин, то писатель, то всеми уважаемый человек и герой Гражданской войны, а то законченный негодяй и враг народа?! Как такое может быть?

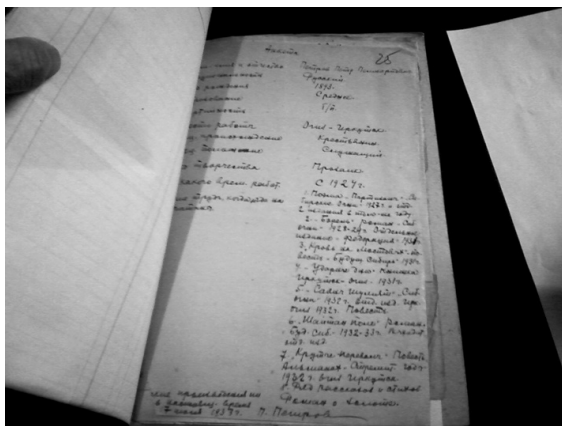
Приведём здесь основные факты биографии П.П. Петрова.

Пётр Поликарпович родился в 1892 году в глухом таёжном селе Перовское Енисейской губернии. До 1915 года он сеял с отцом рожь и пшеницу, объезжал коней и делал всё то, что делали несколько поколений его предков. Судьба казалась определённой и ясной, как летний солнечный день, как бесконечная даль над безбрежным русским полем. Он готовился жить и умереть там же, где родился, — среди необъ-

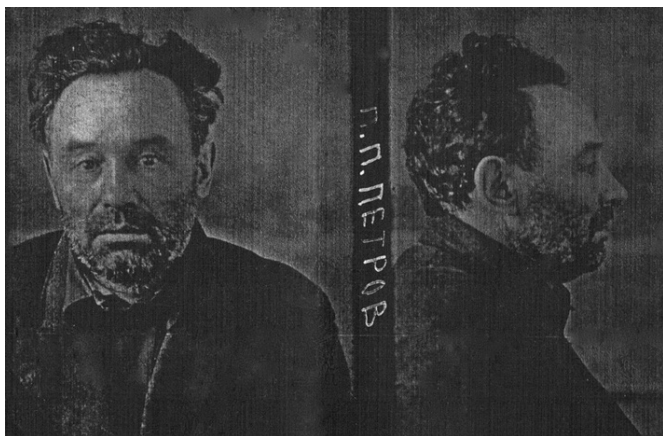
ятных сибирских просторов, под родным небом, лечь в ту же землю, где уже лежали его деды и прадеды. Но грянула революция! Как позже писал Петров, «революция перевернула, разбила вдребезги сложившиеся понятия о жизни, о законченности исканий». В 1917 году он находится среди защитников Белого дома в Иркутске, до последнего сражается с юнкерами и чудом остаётся жив. В 1919-м Петров — один из руководителей мощного партизанского движения, охватившего огромную территорию Красноярского края и Восточной Сибири. В 1924-м он заканчивает Красноярский институт народного образования, а в 1927-м публикует первое своё произведение — поэму «Партизаны» (встретившую горячий отклик читателей). В 1931 году он уже известный писатель, ведущий активную переписку с Максимом Горьким и пользующийся его поддержкой. В середине тридцатых Пётр Поликарпович Петров — один из столпов Сибирской литературы, член Правления Иркутской писательской организации и редколлегии журнала «Будущая Сибирь», делегат писательских съездов и непререкаемый авторитет не только в писательских кругах, но и во всех других кругах, какие тогда были. Ему уже за сорок, жизнь кажется удавшейся, единственно верной и незбылемой.

Но 8 апреля 1937 года его неожиданно арестовывают. И сразу начинают «шить дело» о вредительстве и терроризме. Однако добиться от бывшего партизана чистосердечного раскаяния следователи не могут, к тому же самих следователей вскоре объявляют врагами народа (и расстреливают одного за другим — капитана ГБ НКВД Рождественского, капитана Исакова и лейтенанта Котина). Эта же участь постигла и начальников Областного Управления НКВД, возглавлявших это ведомство с 1930 по 1940 год (И.П. Зирниса, М.И. Гая, Г.А. Лупекина и Б.А. Малышева); все они были объявлены заговорщиками и тогда же казнены.

Попутно заметим, что в апреле 1937 года были арестованы ещё три ведущих писателя Восточной Сибири — поэт Александр Балин (руководивший центральным литературным объединением Иркутска), председатель правления писательской

*Анкета Петра Поликарповича Петрова
(из писательского архива; предоставлено Н.С. Сухановой)*

Пётр Поликарпович Петров. Фото из следственного дела
(предоставлено Н.С. Сухановой)

организации Михаил Басов и старейший иркутский писатель Исаак Гольдберг (отбывавший ссылку ещё при царе). Все они очень быстро признались в несуществующей вине и были расстреляны: Александр Балин — в декабре 1937-го, Михаил Басов — в июне 1938-го, Исаак Гольдберг — в декабре 1939 года. Все трое покоятся на так называемой «Даче лунного короля» — в месте массовых захоронений возле посёлка Пивовариха под Иркутском

(в тридцатые годы здесь была спецзона УНКВД, остатки колючей проволоки до сих пор можно увидеть на деревьях). В 1937 году в Иркутске также были уничтожены руководители партийных и советских органов: секретарь оргбюро ЦК ВКП(б) Восточно-сибирского края Ф.Г. Леонов, первый секретарь крайкома ВКП(б) М.О. Разумов, его первый заместитель Коршунов, секретарь горкома ВКП(б) Казарновский, второй секретарь крайкома ВКП(б) — Козлов, второй секретарь Иркутского ГК ВКП(б) — Н.М. Горбунова, председатель Иркутского горсовета и член ВЦИК Н.В. Камбалин, секретари городских райкомов партии: Шеметова, Сахарова, Жук, секретари крайкома и обкома ВЛКСМ — Кушаковский, Захарова и Беспрозванных, секретарь Иркутского ГК ВЛКСМ Игнатов и многие, многие другие. По сведениям, содержащимся в открытых источниках, в застенках Иркутского Управления НКВД было расстреляно: в 1937 году — 11 707, в 1938-м — 11 517 человек. Всего 23 224 человека. И это за неполных два года! Тела их, кое-как присыпанные землёй, вот уже почти восемьдесят лет покоятся в огромных рвах-накопителях возле Пивоварихи.

Ну а Петру Поликарповичу, можно сказать, повезло. Его не расстреляли сразу. Следствие по его выдуманному, насквозь фальшивому делу длилось долгих три года — с апреля 1937-го по апрель 1940 года.

Сохранилось его заявление на имя Сталина, написанное 16 марта 1939 года, вот его начало:

«Я арестован 8 апреля 1937 года. Почти два года длится следствие, и конца его я не вижу. Писать Вам лично вынуждает крайняя необходимость и то, что я еще не утратил веру в справедливость, в Советскую власть. Представьте на минуту положение человека, в течение двух лет не знающего, что с ним будет, ежедневно ожидающего неведомых бедствий, внушающего себе самый ужасный, кошмарный конец. До сего дня я не прочел в тюрьме ни одной книги, не имею никакого труда, содержусь в камере (бывшей одиночке) без естественного света, в сообществе 6-10 человек, с внутренней парашей, которая зачастую течет от переполнения. К тому же за время заключения я совсем не имею возможности пользоваться ежедневной прогулкой, хотя бы по несколько минут. На неоднократные просьбы к прокурору и Управлению о разрешении мне заниматься литературным трудом я также не получил ответа.

Это полное неведение своей судьбы невольно приводит к пагубной мысли, что в одиночной камере одиночного корпуса я кончу свои дни. Иных перспектив не вижу. Может быть, я ошибаюсь, но таков строй мыслей арестанта, законсервированного на годы, поставленного в самые тяжелые условия, не знающего за собой никакой вины...»

И ещё цитата из этого же заявления; из этого отрывка видно, как в Иркутском УНКВД образца 1937 года добывались признания подследственных:

«В начале ареста (в апреле 1937 г.) следствие предъявило мне обвинение в том, что я состоял в контрреволюционной организации бывших красных партизан, возглавляемой Яковенко. В мае и июне того же года обвиняло, что я участник контрреволюционной организации, возглавляемой местным крайкомом и крайисполкомом. В те же дни следствие потребовало назвать лиц, которых я завербовал. Таким образом, получалось, что я состоял в трех организациях. Но когда мною было заявлено следствию, что никаких контрреволюционных организаций мне даже во сне не снилось, начальник отдела капитан Рождественский угрожающе сказал: если я буду «запираться», то немедленно будет арестована моя жена, дети и из меня «вымотается» не только душонка, но и кишки. «Вы должны дать мне не менее как пятьдесят контрреволюционеров», — категорически потребовал он. После указанного допроса меня забросили в камеру без естественного освещения, с промерзлой стеной и не вызывали до сентября 1937 года».

Это заявление не имело для П.П. Петрова никаких последствий, несмотря даже на то, что капитан Рождественский вскоре был признан врагом народа и расстрелян 19 июня 1938 года. Логика во всех этих следствиях и приговорах нет никакой; как будто работала без устали огромная разделочная машина или какое-нибудь чудовище глотало и перемазывало живых людей и всё никак не могло насытиться человеческой кровью.

В 1940-м Петра Поликарповича судит так называемое Особое совещание в Москве и заочно (в глаза не видя обвиняемого) определяет ему срок наказания — восемь лет лагерей (по универсальной 58-й статье). И уже через несколько дней его отправляют поездным этапом на страшную Колыму, где он за неполный год успевает сменить два совершенно жутких лагеря, побывать в центральной колымской больнице (где он получил инвалидность) и совершить побег с Арманской обогатительной фабрики, расположенной на реке Армань в районе Тенькинской трассы в двухстах километрах севернее Магадана). Но бежать на Колыме некуда (да и после золотого забоя не шибко-то побежишь). Через три недели Петрова поймали, судили военным трибуналом и расстреляли (место расстрела неизвестно до сих пор). А шестнадцать лет спустя, в марте пятьдесят седьмого, последовала полная реабилитация Петра Поликарповича Петрова. Невиновен! Убит напрасно. Все обвинения в терроризме и вредительстве — вздор и дичайший поклёп на честного гражданина своей родины. Ещё через тринадцать лет на доме, в котором жил Петров (ул. Марата, 29), была установлена мемориальная доска (митинг, посвящённый этому событию, открывал ответ-секретарь писательской организации Л.А. Кукуев).

Мемориальная доска на доме в Иркутске по ул. Марата, 29

А когда в 1978 году на улице Степана Разина открылся Дом литераторов, ему с полным основанием присвоили имя Петра Поликарповича Петрова. Именем Петрова также названа одна из иркутских улиц, его имя носит школа в селе Партизанское Красноярского края (бывшее село Петровское, в котором Петров родился), а в Красноярском литературном музее создан целый отдел, посвящённый жизни и творчеству Петра Поликарповича (здесь я должен поблагодарить начальника отдела информации, публикации и научного использования документов Госархива Иркутской области Елену Ильину, также ведущего

специалиста Красноярского краевого краеведческого музея Галину Толстову и руководителя краеведческого музея в посёлке Усть-Омчуг Инну Васильевну Грибанову — за предоставленные материалы о П.П. Петрове и об Арманской обогатительной фабрике).

Произведения Петрова до сих пор привлекают внимание ведущих критиков. Совсем недавно крупное московское издательство выпустило в свет его роман «Борель». Известный сибирский литературовед и книголюб Василий Прокопьевич Трушкин самым внимательным образом изучал творчество писателя, он затребовал два следственных дела Петрова — из Иркутска и Магадана, а затем написал несколько великолепных статей и очерков, в которых не только разобрал литературные достоинства произведений Петрова, но и его судьбу — трагическую и во многом поучительную. Однако последний год жизни писателя — самый страшный год — всё-таки остался для нас тайною за семью печатями. Мы почти ничего не знаем ни о лагерях, ни о побеге, ни о казни Петра Поликарповича Петрова. И я решил ехать — туда, где по воле злого рока побывали миллионы советских граждан и где до сих пор безымянные могилы хранят нетленные трупы сотен тысяч безвинно убиенных людей.

Варлам Шаламов писал в своих «Колымских рассказах»: *«На Колыме тела предают не земле, а камню. Камень надежней земли. Вечная мерзлота хранит и открывает тайны. Каждый из наших близких, погибших на Колыме, — каждый из расстрелянных, забитых, обескровленных голодом — может быть еще опознан — хоть через десятки лет».*

Да, тела лежат в насквозь промерзшей колымской земле. Но нет ни памятников, ни могил — в нормальном понимании этого слова. Проехав полторы тысячи километров по колымской трассе, я видел лишь два памятника: «Маску Скорби» — грандиозный монумент, установленный на месте пересыльного лагеря в шести километрах от бухты Нагаево, и скромный памятник на месте «Серпантинки» — знаменитой следственной тюрьмы в Ягоднинском районе близ посёлка Хатыннах (надпись на памятнике гласит о том, что в тридцатые годы *«здесь были казнены десятки тысяч репрессированных граждан, прах которых находится в этой долине»*). Я был на этом жутком месте, никак не мог его миновать — дорога на прииск имени Водопьянова (где Петров провёл несколько осенних месяцев 1940 года) вела мимо этого места, многожды описанного в литературе, упомянутого в воспоминаниях бывших узников ГУЛАГа. (Тот же Шаламов писал о «Серпантинке» в одном из рассказов: *«Бригады уменьшались в числе — по дороге на «Серпантинку», на расстрельную командировку Северного управления, день и ночь проходили машины, возвращавшиеся порожняком»*.)

Аэропорт Сокол. 6 октября 2015 г.

Но я всё время забегаю вперёд. Это потому, что впечатления слишком сильны: стоит припомнить деталь, назвать событие — и сразу разворачивается целая цепь событий, тянущая за собой длинную историю, которая так и просится на бумагу.

И всё же после столь длинного вступления я начинаю излагать хронологию событий.

В Магадан я прилетел шестого октября утром. Прямой рейс из Иркутска занял четыре с половиной часа. Полтретьего ночи самолёт взлетел из иркутского аэропорта — среди ночной тьмы и призрачных огней, а в девять утра (по местному времени) — благополучно приземлился в магаданском аэропорту Сокол — на обширной равнине, окружённой невысокими горами, под ярким солнцем и безоблачным небом. Переход был слишком резок. То была глухая ночь и родная Сибирь, а то вдруг яркий свет, необычайный простор и ветер, свободно гуляющий по необъятному лётному полю, а ещё довольно ощутимый мороз в семь градусов.

В тридцатые годы до Магадана добирались за несколько месяцев: сначала восемь недель поездом до Владивостока (где возле бухты Золотой Рог был знаменитый пересыльный лагерь на двадцать тысяч человек — «Вторая речка»), а потом полторы-две недели — плава-

ние на огромном грузовом пароходе до бухты Нагаево. О том, как заключённых везли через всю страну в забитых до отказа вагонах, а потом в железной утробе парохода по бурным волнам Японского и Охотского морей, следовало бы рассказать подробнее, но это тема для другого очерка. Да и написано уже об этом очень многими. Могу порекомендовать рассказ «Этап» известного актёра Георгия Жжёнова, совершившего путешествие в Магадан на пароходе «Джурма» (*джурма* — слово эвенкийское, в переводе означает «светлый путь»; в утробу этого «светлого пути» набивали зараз по двенадцать тысяч заключённых). Приведу здесь воспоминания автора «Крутого маршрута» — Евгении Гинзбург, совершившей путешествие на этой самой «Джурме» в августе 1939 года: *«Наконец-то мы в трюме. Здесь плотная, скользкая духота. Нас много, очень много. Мы стиснуты так, что не продохнуть. Сидим и лежим прямо на грязном полу, друг на друге. Сидим раздвинув ноги, чтобы между ними мог поместиться еще кто-нибудь. Ах, наш седьмой вагон! Как он был, оказывается, комфортабелен! Ведь там были нары.*

Но лишь бы скорее отплыть. Нам кажется, что пароход сейчас отвалит... Но нет, самое страшное было еще впереди. Первая встреча с настоящими уголовниками. С блатнячками, среди которых нам предстоит жить на Колыме.

Нам казалось, что в наш трюм нельзя больше вместить даже котенка, но в него вместили еще несколько сот человек, если условно называть людьми те исчадия ада, которые хлынули вдруг в люк, ведущий к нам в трюм. Это были не обычные блатнячки, а самые сливки уголовного мира. Так называемые «стервы» — рецидивистки, убийцы, садистки, мастерицы половых извращений. Я и сейчас убеждена, что таких надо изолировать не в тюрьмах и лагерях, а в психиатрических лечебницах. А тогда, когда к нам в трюм хлынуло это месиво татуированных полуголых тел и кривящихся в обезьяньих ужимках рож, мне показалось, что нас отдали на расправу буйнопомешанным.

Густая духота содрогнулась от визгов, от фантастических сочетаний матерщинных слов, от дикого хохота и пения. Они всегда пели и плясали, отбивая чечетку даже там, где негде было поставить ногу. Они сию же минуту принялись терроризировать «фраерш», «контриков». Их приводило в восторг сознание, что есть на свете люди, еще более презренные, еще более отверженные, чем они, — враги народа!»

Но вернёмся в наши дни. Аэропорт Сокол расположен в пятидесяти пяти километрах от Магадана. И путь мой лежал из аэропорта не в Магадан (на юг), а в другую сторону — на север, в посёлок Ягодное, до которого почти пятьсот километров пути. Установлено, что Пётр Поликарпович Петров был привезён на Колыму в июле сорокового года. Полтора месяца пробыл в магаданском пересыльном лагере (расположенном в шести километрах от бухты Нагаево — на сопке Крутая; теперь на этом месте высится «Маска Скорби» — грандиозный монумент Эрнста Неизвестного). Затем Петрова увезли в Ягоднинский район — на прииск имени Водопьянова, расположенный в долине реки Хатыннах, — это было уже в первых числах сентября.

Во времена оные до Ягодного заключённых заставляли идти пешком! Вот свидетельство Шаламова:

«Зимой 1938 года начальство решило пешком отправлять этапы из Магадана на прииски Севера. От колонны в пятьсот человек за пятьсот километров к Ягодному доходило тридцать-сорок. Остальные оседали в пути — обмороженными, голодными, застреленными».

Радуюсь, что мне не нужно идти пешком пятьсот километров, я заплатил пять тысяч рублей водителю микроавтобуса и занял место в салоне, где было тепло и играла музыка. Ещё не было десяти часов, а мы уже ехали по Колымской трассе, той самой, которая «на костях». Но я уже говорил — ни костей, ни могил я не видел. Земля надёжно хранит свои тайны.

А дальше всё было довольно однообразно. Один и тот же пейзаж за окном — округлые сопки на горизонте, частично покрытые чахлой растительностью (кедровый стланник, травка и кустики), а частью — вовсе безлесные, буро-серого цвета, с осыпающимися каменистыми склонами. Сама дорога тоже не ахти какая.

Колымский тракт. Фото из окна микроавтобуса. 6 октября 2015 г.

Первые сто тридцать километров покрыты асфальтом, а дальше — обычная грунтовка, тряская и пыльная (так что пыль после проехавшей машины стоит столбом по несколько минут). А ежели навстречу попадётся машина, так потом с километр едешь вслепую из-за густой белой взвеси. Но водители на Колыме опытные, дело своё знают, гонят со скоростью сто километров в час — так весь

путь до Сусумана (а это на 100 километров дальше Ягодного). Первый населённый пункт по Колымской трассе — посёлок Палатка (83-й километр). Когда-то здесь было целых три лагеря. А теперь здесь довольно крупный (по местным меркам) посёлок городского типа с четырьмя тысячами жителей; этакий миниатюрный город — с автобусным сообщением, с гостиницами, детскими игровыми площадками, иллюминацией, несколькими фонтанами, скульптурами, памятниками и церковью. Но в Палатке мы не задержались — до Ягодного ещё очень далеко — 440 километров.

Следующий населённый пункт — Атка, 208-й километр. Тоже обозначен как посёлок, но никакого сравнения с многоэтажной благоустроенной Палаткой. Население посёлка — 415 человек.

Тут уже нет асфальта. В посёлке несколько пятиэтажек, сохранились каменные строения 1950-х. Когда-то здесь была перевалочная база Дальстроя, работала крупнейшая на Дальнем Востоке автобаза. Были тут свои коровники и свинофермы. В годы войны недалеко от посёлка добывали уголь. Было и своё крупное нефтехранилище, к которому вёл топливopровод от бухты Нагаево. Посреди обширной равнины разбросаны там и сям выдавшие виды деревянные строения; иные до половины скрыты высокой травой и кустарником, там и сям торчат почерневшие доски с гвоздями, рамы с выбитыми стёклами, кучи мусора.

Всё в целом производит донельзя унылое впечатление.

Палатка. 83-й километр Колымской трассы.

Посёлок Атка — 208-й километр

Первое (полпорции солянки) — двести пятьдесят рублей. Второе (котлета с гарниром) — столько же. Чай — тридцать. Кофе — пятьдесят.

Следует сказать, что Атка находится уже за Яблоновым перевалом, который отделяет относительно тёплый район побережья Охотского моря от холодного высокогорья континентальной Колымы, начинающегося, примерно, со 170-го километра трассы. И это чувствовалось — в Атке было заметно холоднее, чем в Палатке. А небо было всё то же — тёмно-синее, глубокое, и солнце светило так, что больно было смотреть. И кругом всё то же — волнистая цепь серо-бурых гор, окаймляющая относительно ровную безлесную равнину диаметром в несколько километров. Собственно говоря, вся Колымская трасса петляет меж таких сопков. Строители трассы шли по пути наименьшего сопротивления, и правильно делали. Зачем лезть в гору, когда можно проложить дорогу по относительно ровному рельефу, обходя возвышенность и минуя овраги и глубокие распадки. Все реки на земле, какие ни есть, прокладывают себе путь по такому же принципу, подчиняясь закону всемирного тяготения и упрямо скатываясь под уклон. Не случайно Колымская трасса тесно соседствует с речками, речушками и ручьями и снабжена множеством больших и малых мостовых переходов.

Расстояние между населёнными пунктами на Колыме совсем не те, что у нас в Сибири (тем более, в европейской части страны). После Атки мы ехали три часа без остановки. За это время промелькнули мимо лишь два небольших посёлка — Оротукан (360-й километр) и Спорное (400-й километр), этот последний уже сошёл на нет, жителей в нём практически не осталось. Остановку сделали на 423-м километре в посёлке Дебин, что стоит на берегу легендарной Колымы.

Атка. Объявление на столбе.

Зато тут есть два придорожных кафе, возле которых все останавливаются. Возле одного кафе висит деревянный столб с наклеенным объявлением: «Куплю дорого! Бивни мамонта, рога лоса, оленя, снежного барана». Я это объявление внимательно прочитал и даже сфотографировал. Так, на всякий случай. Вдруг попадётся где-нибудь мамонт или снежный барс. Глядишь, не с пустыми руками домой приеду.

В кафе я зашёл, но обедать не стал. Глянул на цены.

В этом посёлке когда-то располагалась центральная больница УСВИТ-Ла (известная под названием «Левый берег»), в которой спасался от золотых забоев, а потом работал фельдшером Варлам Шаламов (с 1946 по 1951 год). Вот что он сам пишет об этой больнице в рассказе с довольно странным названием «Прокуратор Иудей»:

«...Пятого декабря тысяча девятьсот сорок седьмого года в бухту Нагаево вошел пароход «КИМ» с человеческим грузом — тремя тысячами заключенных. Впрочем, на пароходе

Больница в Дебине («Левый берег»). 70-е гг.

даты, кадровые войска окружили мол, и выгрузка началась. За пятьсот километров от бухты все свободные приисковые машины двинулись к Магадану порожняком, подчиняясь зову селектора. Мертвых бросали на берегу и возили на кладбище, складывали в братские могилы, не привязывая бирок, а составив только акт о необходимости эксгумации в будущем. Наиболее тяжелых, но еще живых — развозили по больницам для заключенных в Магадане, Оле, Армани, Дукче. Больных в состоянии средней тяжести везли в центральную больницу для заключенных — на левый берег Колымы. Больница туда только что переехала с двадцать третьего километра. Приди бы пароход «КИМ» годом раньше — ехать за пятьсот километров не пришлось бы».

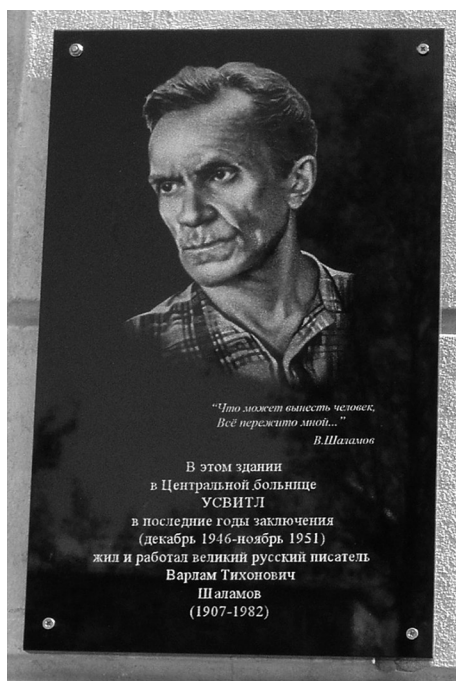
Такие вот реминисценции. А теперь что? Да ничего. Больницы уж нет, не осталось никаких следов или памятных знаков. Просто посёлок, который не сразу и разглядишь за пылью и тряской. Почти такое же придорожное кафе и с такими же ценами, как и в Атке. Мне даже показалось, что продавщицы за прилавком — те же самые (одна пожилая, полноватая, другая молодая, стройненькая). Но это, конечно, был самообман, следствие ночного перелёта и многочасового переезда по усеянной камнями трассе.

Тут, в Дебине, я впервые увидел прославленную на весь мир реку. Колыма! (В этом месте следует помолчать несколько секунд...)

Колыма оказалась довольно широкой и полноводной (чем-то напоминает наш Иркут). Через Колыму перекинут современный бетонный мост — высокий и красивый, сделанный крепко и хорошо (по воспоминаниям заместителя начальника Дальстроя В.В. Волкова, этот, второй уже мост, построенный на быках предыдущего моста собирали и клепали зимой 1952/53 года, в пятидесятиградусные морозы). Тут же неподалёку (в 40 километрах южнее) расположена Колымская ГЭС (по мощности не уступающая Иркутской ГЭС!), есть и посёлок энергетиков с красивым названием Синегорье. Когда ехали по трассе, видели вдали очень красивые заснеженные горы.

Горы были синие, величественные, почти что сказочные. А сам посёлок (как я позже узнал) — небольшой, в нём проживает чуть больше двух тысяч человек (обслуживающих ГЭС). В Дебине и того меньше — около семисот. А самый крупный посёлок на моём пути — Ягод-

были привезены не гости, а истинные хозяева этой земли — заключенные. Рейс был последний, навигация кончилась. Сорокаградусными морозами встречал гостей Магадан. В пути заключенные поднимали бунт, и начальство приняло решение залить все трюмы водой. Все это было сделано при сорокаградусном морозе. Все начальство города, военное и штатское, было в порту. Все бывшие в городе грузовики встречали в Нагаевском порту пришедший пароход «КИМ». Сол-

Мемориальная доска на здании бывшей больницы в Дебине.

Мост через Колыму в районе посёлка Дебин.

ное, в нём почти четыре тысячи жителей. В этот посёлок я и стремился, стало быть, всей душой.

Весь путь от аэропорта до Ягодного занял девять часов. И вот он — 523-й километр колымской трассы (тянущейся аж до самого Якутска, а это ещё полторы тысячи километров).

Шестое октября 2015 года. Седьмой час вечера. В Ягодном уже темно и очень холодно (минус двадцать, примерно). Я попросил высадить меня на улице Транспортной возле дома под номером пятнадцать. Ещё в Иркутске я навёл справки через Интернет и узнал,

что в Ягодном живёт замечательный человек — Иван Александрович Паникаров. Он по своей личной инициативе создал прямо у себя на дому музей памяти жертв политических репрессий, назвав его «Память Колымы». Это человек известный на всю страну, к нему едут родственники репрессированных, и он всем оказывает помощь. Я списался с ним, узнал его телефон и вдруг появился в Ягодном.

— А вы почему не предупредили заранее, что едете? — спросил он, когда я позвонил ему на сотовый телефон, стоя среди ночной тьмы и холода на улице Транспортной.

— Да так вот, как-то так получилось, — сконфузился я. В самом деле, я мог позвонить ему из Иркутска накануне. Но почему-то не позвонил. А вдруг бы его сейчас не оказалось на месте?

— Ладно, — смягчился Иван Александрович. — Я сейчас подойду. Вы где находитесь?

Я объяснил, как умел, и через полчаса увидел в темноте невысокого плотного человека в меховой шапке и в тёплой куртке. Приблизившись, он критически оглядел мою спортивную куртку на рыбьем меху и выдавшие виды джинсы и чуть заметно усмехнулся.

Я опускаю весь последовавший разговор, скажу только, что Иван Александрович проявил максимум сочувствия и сделал для меня всё, что только мог сделать: без промедления устроил в частную гостиницу, потом пригласил к себе домой и показал экспонаты своего музея — фотографии, кайла, лопаты, гвозди, проволоку, посуду, инвентарь, табличку, одежду, рукописные тетради — много всего.

Синегорье. Красивейшие пейзажи.

Посёлок Ягодное, одноимённый ручей. Вид на север.
Там, за сопками, в 40 километрах, — страшный Хатыннах.

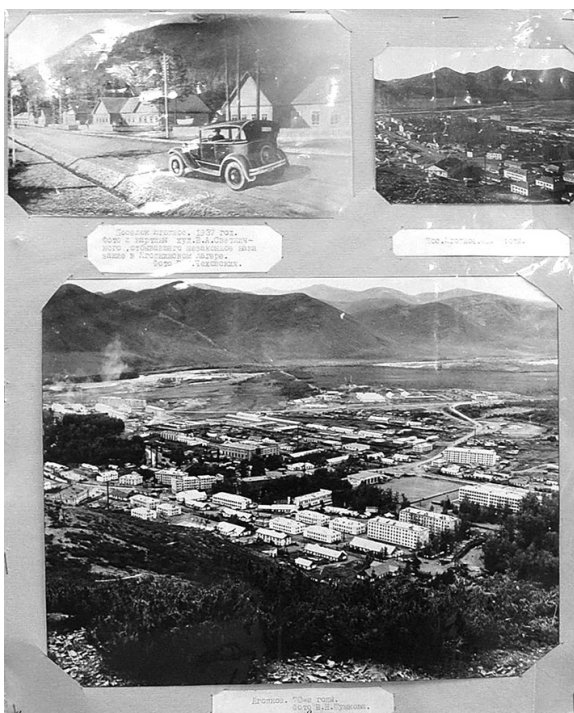
Но дома была лишь десятая часть экспонатов, остальное Иван Александрович хранит у себя в гараже. Во всём посёлке (где есть даже семизэтажные здания) не нашлось служебного помещения для этих бесценных экспонатов.

В тридцатые годы посёлок Ягодное был средоточием золотодобычи целого района; вокруг этого посёлка было создано множество самых страшных лагерей Колымы, среди которых штрафной прииск Джелгала, в котором едва не погиб Шаламов. («Как изолятор был карцером для джелгалинской

спецзоны, Джелгала была карцером всей Колымы, а сама Колыма была карцером России». В. Шаламов, «Колымские рассказы»); тут же неподалёку находился прииск имени Горького, на котором произошло восстание заключённых, описанное Шаламовым в рассказе «Последний бой майора Пугачева»; здесь же уже упоминавшаяся «Серпантинка», которой пугали всех заключённых Колымы, и здесь все эти смертные лагеря, в которых здоровые мужчины за несколько недель превращались в инвалидов: «Ледяной», «Штурмовой», прииск им. Водопьянова, прииск им. Челюскина, «Партизан», «Дикий», «Малютка», «Туманный», «Аврора», «Свистопляс», «Одинокий», «Ветвистый», «Таскан», «Мылга», «Эсчан», «Бурхала»... все лагеря трудно перечислить (в одной только Магаданской области было более 400 лагерей; а вся магаданская область занимает менее 5% от колоссальной территории северной части Дальнего Востока с границами: от Магадана на юге до Певека на севере, и от бухты Провидения на востоке до Якутска на западе; относительно тёплые районы Приамурья, Хабаровска, Владивостока и даже остров Сахалин, где тоже были лагеря УСВИТЛА, я сюда не включаю). Достаточно сказать, что на всех приисках, ОЛП и «командировках» лишь одного Ягоднинского района Магаданской области одновременно работало более двухсот тысяч человек.

Вот свидетельство Шаламова:

«В лагере для того, чтобы здоровый молодой человек, начав свою карьеру в золотом забое на чистом зимнем воздухе, превратился в доходягу, нужен срок по меньшей мере от двадцати до тридцати дней при шестнадцатичасовом рабочем дне, без выходных, при систематическом голоде, рваной одежде и ночевке в шестидесятиградусный мороз в дырявой брезентовой палатке, побоях

Ягодное. 70-е гг. (фото из музея И.А. Паникарова).

десятников, старост из блатарей, конвоя. Эти сроки многократно проверены. Бригады, начинающие золотой сезон и носящие имена своих бригадиров, не сохраняют к концу сезона ни одного человека из тех, кто этот сезон начал, кроме самого бригадира, дневального бригады и кого-либо еще из личных друзей бригадира. Остальной состав бригады меняется за лето несколько раз. Золотой забой беспрерывно выбрасывает отходы производства в больницы, в так называемые оздоровительные команды, в инвалидные городки и на братские кладбища».

Посёлок Ягодное. Вид с высоты птичьего полёта
(справа налево проходит Колымский тракт, на север ведёт дорога на Хатыннах, внизу русло реки Дебин)

Что-то похожее произошло и с П.П. Петровым. 16 ноября 1940 года он отправил жене своё последнее письмо с прииска им. Водопьянова, в котором были такие строки:

«Что я могу ответить на ваши вопросы? Солнца я вижу больше, чем следует. Климат суровый. Уже сейчас морозы доходят до 40 градусов... О вашей поездке сюда и думать нечего. Если бы я имел две жизни, то обе отдал бы только за то, чтобы вы сюда не ездили». Можно лишь догадываться о том, что пришлось вынести немолодому уже человеку на этом прииске, где он был отправлен на общие работы — забойщиком в золотой забой — махать кайлом и лопатой.

Утром седьмого октября вместе с главой Ягоднинского МО Аллой Михайловной Смалько и Иваном Александровичем Паникаровым мы отправились на прииск Водопьянова, расположенный в 37 километрах к северу от Ягодного. Прииск располагался в полутора километрах от Хатыннах.

Сам посёлок стоит на берегу одноимённой речки, протекающей по огромной долине, тянущейся на десятки километров с юга на север. Вся эта долина в тридцатые-сороковые

годы была густо усеяна лагерями; золото тут было «бешеное» (по воспоминаниям очевидцев). Но и порядки тоже были «бешеные». Я уже упоминал «Серпантинку». Дорога возле неё вьётся как серпантин — отсюда и название. Мимо этого жуткого места мы никак не могли проехать и, конечно же, остановились. Поднялись на пригорок, подошли к памятнику и стоящему рядом кресту. Всё небольшое, скромное. А вокруг — тишина и безлюдье. Заснеженные склоны с редкостоем. Студёный ветер свободно гуляет на просторе — и ни пташки кругом, ни живности. Словно умерло всё. Невозможно себе представить, что когда-то на этом месте день и ночь целых два года расстреливали людей. И все эти люди лежат тут же, в нескольких десятках метров, вот

Фрагмент карты колымских лагерей. Окрестности пос. Ягодное. Жирной линией показана Колымская трасса. Точки — лагеря. Тонкие линии — реки (карта из архива И.А. Паникарова)

*Памятник на месте «Серпантинки».
Вдали видна долина реки Хатыннах.*

в этом овраге, тянущемся на сотни метров вверх по пологому склону. В девяностые годы здесь пробовали искать золото. Но когда ковш экскаватора первым же зачерпом вынул из земли грунт, перемешанный с костями, черепами и стреляными гильзами от патронов, все рабочие наотрез отказались от работы в этом трижды проклятом месте. С тех пор сама собой возникла традиция: все проезжающие мимо машины сигналият возле памятника, отдавая долг памяти всем тем, кто лежит в этой стылой земле, кто уже никогда не вернётся домой.

От «Серпантинки» до Хатыннах всего пара километров. Мы переехали небольшую речку Хатыннах по деревянному настилу и через пять минут уже были в посёлке.

Я отошёл от машины и стал крутить головой, словно надеясь увидеть караульные вышки, бараки и заключённых, бредущих на работу в окружении вооружённого конвоя. Конечно, ничего этого не было и в помине. Ещё в пятидесятые годы все вышки были сломаны, километры колючей проволоки смотаны со столбов, сами столбы повалены и сожжены, чтоб и следа не осталось. (Во всей Магаданской области теперь всего три колонии и один следственный изолятор; для сравнения: в Иркутской области находится двадцать четыре колонии и четыре СИЗО.) Места, где на Колыме были лагеря, теперь почти невозможно отличить от окружающего пейзажа. Даже если тебя подведут к месту и покажут рукой, всё равно ничего не разглядишь в высокой траве, в разросшихся деревьях, в осыпавшихся склонах, в береговых очертаниях каждый год меняющегося русла. Можно лишь представить, что было здесь восемьдесят лет назад, как людей утром гнали на работу в золотые забои, и как там истощённые от голода люди по двенадцать часов кряду долбили мёрзлый грунт, наваливали его в тачки и вагонетки, а потом катили на промывочный прибор, в бутару; всё это и в зной, и в пятидесятиградусный мороз, в снег и в дождь. При этом не было никакой медицинской помощи, зато были ежедневные избиения со стороны бригадиров (выбивающих из своей бригады план), со стороны уголовников (отбирающих у «контриков» пайку и все тёплые вещи; ну и конвой регулярно упражнялся в рукоприкладстве, дробя зубы у лежащего на земле заключённого — своими коваными сапогами, тыча стволом в бок и ломая рёбра, давая подзатыльники и всяко. Немудрено, что в самое непродолжительное время Пётр Поликарпович утратил остатки здоровья и был вывезен с прииска, отправлен в центральную колымскую больницу на 23-й километр Колымской трассы. Об этой больнице ничего не сказано в очерке В.П. Трушкина. Но данный факт мне подтвердили в Управлении МВД Магаданской области, куда я обратился сразу по возвращении из Ягодного. Там мне показали следственное дело Петрова (хотя в руки дело не дали), при этом подтвердили верность всех указанных в очерке Трушкина сведений о Петрове, прибавив лишь сведения о пребывании Петрова в Центральной колымской

*Посёлок Хатыннах.
Теперь здесь работает старательская артель
«Новый путь» (приiski «Штурмовой» и «Хатыннах»)*

Административное здание. 1940 г.

лагере находилось от двух тысяч до нескольких десятков тысяч заключённых, как, например, в «Бутугычаге», в котором сидел поэт Анатолий Жигулин, написавший автобиографическую повесть «Чёрные камни».) Гораздо проще было оставлять всех доходяг тут же, при лагере, и здесь же их и хоронить — сваливать в какой-нибудь овраг, а потом присыпать снегом, камнями, ветками — чем придётся. Вот ещё одно свидетельство бывшего узника: *«Из Магадана регулярно подвозили новые партии заключённых. Мертвецов не успевали хоронить, потому что хорошую забойную бригаду не поставишь на рытьё могил. Доходяги и освобождённые по болезни на могильных работах не имели энтузиазма: знали, что через несколько дней они сами будут лежать в этой вечной мерзлоте. Тогда администрация лагеря нашла выход — покойников стали складывать штабелями в верхней пустующей палатке, которая была накрыта брезентом, но не имела железных печек».* (И.А. Плахин. Очерк «Колымские этапы» // «Краеведческие записки». 1989. № 16. С. 111. Речь идёт о прииске «Скрытый», располагавшемся в 700 километрах к северу от Магадана, описываемое время — декабрь 1938 г.)

Но Петру Поликарповичу повезло — его каким-то чудом отпустили из лагеря, доставили за пятьсот километров в больницу, где он пережил колымскую зиму. А если бы он остался на прииске Водопьянова, то, конечно, там бы и умер. Морозы в этих краях достигали шестидесяти градусов, а заключённые работали без выходных, кое-как одетые, по двенадцать-четырнадцать часов в сутки. Немудрено, что люди умирали массово. Всё добытое на Колыме золото обильно полито человеческой кровью. Об этом не надо бы забывать.

А о Хатыннахе что сказать? В посёлке сохранилось каменное здание, построенное в 1940 году. В этом здании была канцелярия, и наверняка в этой канцелярии бывал П.П. Петров. Я сфотографировал это строение без

Внутри здания. 1940 г.
Здесь, видно, было что-то вроде КПЗ.

больнице в течение трёх месяцев — с декабря 1940-го по март 1941 года. В этой больнице Петров был комиссован и получил третью группу инвалидности (порок сердца). Также у него диагностировали ревматизм, пеллагру и цингу. Само по себе попадание в эту больницу можно признать огромной удачей. Больница, хотя и большая — на тысячу коек, — всё же не смогла бы вместить всех доходяг Колымы, всех обмороженных и покалеченных. Это ведь при каждом лагере надо было строить такую больницу, да и то бы она не справилась! (А в каждом колымском

окон и дверей, прошёл по сломанным полам, поднялся на второй этаж, выглянул в окно... Пусто, тихо. Мирно светит осеннее солнце. Облезлые стены хранят молчание о том, что видели и слышали, — множество лиц и судеб канули в Лету. Чьи-то отцы и мужья, братья и сёстры, чьи-то дети, которых растили не для золотых забоев Колымы, а для долгой счастливой жизни... Кто нам теперь о них расскажет?..

На следующий день, рано утром, я покинул посёлок Ягодное. В половине девятого занял место в микроавтобусе, и под радостным утренним солнцем мы понеслись по

Начало Тенькинской трассы. 85-й км Колымского шоссе

пыльной Колымской трассе на юг — в сторону Магадана, до которого было (согласно километровому столбику) 523 километра. Про то, как мы ехали, я не буду подробно рассказывать. Было всё то же, что и накануне, только в обратном порядке — Дебин, Спорное, Оротукан, Атка, Палатка... Опять была остановка в Дебине, и был обед в придорожном кафе. Опять слушали разухабистую музыку всю дорогу (заливался некий Назар — темы всех песен лагерные), снова ярко светило солнце, а по обеим сторонам мелькали уже поднадоевшие пейзажи — серая пожухлая трава, реденький невысокий

лес, чёрный кустарник, темнеющие низины и волнистая линия гор на горизонте. Горы иногда приближались и вырастали, так что приходилось задирать голову. Но смотреть было особо не на что: везде осыпающиеся породы, крошащийся скальник, где-то скудная растительность, где-то снежные шапки, а в целом всё ужасно уныло и однообразно. Провести среди этих гор хотя бы год я бы не захотел. Хотя люди везде живут. В том же Ягодном родился и вырос Игорь Высоцкий — известный боксёр, олимпийский чемпион и победитель легендарного кубинца Теофилло Стивенсона. Солист ДДТ Юрий Шевчук — тоже уроженец Ягодного. Диана Арбенина провела в Ягодном детские годы. Такой вот неказистый посёлок на самом краю света. Как говорится: мал золотник, да дорог!

Но хватит о Ягодном. Ведь есть и другие интересные места на Колыме, например, Магадан, куда я прибыл поздно вечером восьмого октября. Перед этим я сделал неудачную попытку самостоятельно добраться до Мадауна (расположенного на 72-м километре Тенькинской трассы). Тенькинская трасса отходит от Колымской сразу после Палатки, в районе 85-го километра. В этом месте я и попросил высадить себя, когда мы проезжали мимо. Водитель микроавтобуса удивился, но вида не показал. Вообще, народ на Колыме очень сдержанный. Улыбается крайне редко и эмоций не выражает. Все серьёзные, собранные, вежливы. Но если тебе потребуется помощь, обязательно помогут. Взаимовыручка здесь на высшем уровне.

В Мадаун я попал чуть позже — через два дня. А тогда, вечером восьмого октября, я почти два часа гулял по Тенькинской трассе — по самому её началу, разглядывал речку Хасын, топал ногами по деревянному мосту, проверяя прочность, вдыхал странные запахи колымской земли и поднимал руку всем проезжающим машинам. Водители смотрели на меня круглыми глазами и проносились мимо (за два часа проехало пять машин). Поняв, что до Мадауна мне в этот день не добраться, уже в темноте я снова вышел на Колымскую трассу. Через четверть часа меня подобрал добрый человек на видавшей виды «Ниве» и подбросил до Палатки. Там я почти час окопачивался на автовокзале, дожидаясь последнего автобуса до аэропорта Сокол. Потом ехал в этом автобусе (за 109 рублей). Потом ждал в аэропорту автобус до Магадана. Поздно вечером уже, в десятом часу, я ока-

Магадан. Улица Ленина

*Александр Лаптев и Павел Жданов
в порту бухты Нагаева.*

Юрьевичу Жданову. Он сразу откликнулся, велел мне идти на другой конец города, по направлению к морю, в медицинский колледж, где можно не очень дорого снять приличный номер. Я не стал брать такси, спросил у первого встречного, как добраться до колледжа, и, после путанных объяснений, пошёл примерно туда, куда меня послали. Шёл я по замысловатой траектории (как теперь понимаю), и вместо двадцати минут затратил на путешествие целый час. Но колледж всё-таки нашёл и в одноместный уютный номер за 1600 рублей в сутки заселился.

Двенадцатичасовой рейс от Ягодного до Магадана и две незапланированные прогулки по Тенькинской трассе и по ночному Магадану вконец меня измотали. Я думал тут же лечь спать, но в этот момент мне позвонил Павел Юрьевич и пригласил на ночную прогулку по Нагаевской бухте. Он спросил при этом, остались ли у меня ещё силы? Я ответил бодрым голосом (чтоб не подводить сибиряков): конечно, остались! И стал собираться на ночную прогулку по студёному Охотскому морю. Да и чего тут было думать? Выспаться всегда успеешь, а вот выйти ночью в открытое море, да не где-нибудь, а в той самой бухте, воды которой бороздило бесчисленное количество судов — это бывает не каждый день. И не с каждым человеком.

Об этой ночной прогулке я не буду много писать. И о том, как на следующий день я бродил по городу, гулял по песчаному берегу бухты Нагаева, рассматривал старый деревянный причал, фотографировал плавающих в воде медуз, поднимал с песка чёрные ракушки и пытался представить, как по этому причалу сходили на песок люди — множество

людей. Они поднимались во каменистой тропе в гору и уже не возвращались никогда — десятки, сотни тысяч людей. Что они чувствовали? Этого нам знать не дано. Шаламов в рассказе «Причал ада» так это описал свои впечатления от Нагаевской бухты, куда он прибыл этапом в августе 1937 года:

«Тяжелые двери трюма открылись над нами, и по узкой железной лестнице поодиночке мы медленно выходили на палубу. Конвойные были расставлены густой цепью у перил на корме парохода, винтовки нацелены были на нас. Но никто не

Бухта Нагаева. «Причал Ада». 2015 г.

обращал на них внимания. Кто-то кричал — скорей, скорей, толпа толкалась, как на любом вокзале на посадке. Путь показывали только первым — вдоль винтовок к широкому трапу — на баржу, а с баржи другим трапом — на землю. Плавание наше окончилось. Двенадцать тысяч человек привез наш пароход, и, пока выгружали их, было время оглядеться. После жарких, по-осеннему солнечных владивостокских дней, после чистейших красок закатного дальневосточного неба — безупречных и ярких, без полутонов и переходов, запомнившихся на всю жизнь... Шел холодный мелкий дождь с беловато-мутного, мрачного, одноцветного неба. Голые, безлесные, каменные зеленоватые сопки стояли прямо перед нами, и в прогалинах между ними у самых их подножий вились косматые грязно-серые разорванные тучи. Будто клочья громадного одеяла прикрывали этот мрачный горный край. Помню хорошо: я был совершенно спокоен, готов на что угодно, но сердце забилося и сжалось невольно. И, отводя глаза, я подумал — нас привезли сюда умирать».

Магаданский краеведческий музей.
Входв экспозицию, посвящённую ГУЛАГу

Эти альманахи я теперь перечитываю каждый день. А стоили они до странности дёшево — по 15 рублей за выпуск. Теперь этот альманах почему-то не выпускается. Очень жаль. Колыма — это ведь не только ГУЛАГ и репрессии. Это ещё и уникальная природа, это поразительные находки палеонтологов — древние артефакты, возраст которых исчисляется сотнями миллионов лет! Когда-то здесь плескалось тёплое море, обитали тропические организмы — прародители всего живого на Земле. Теперь окаменелые останки этих организмов находят здесь во множестве. Всё это щедро представлено в Магаданском краеведческом музее. Посмотреть есть на что. И есть о чём подумать. Жаль только, что времени у меня было очень мало — всего несколько часов. И не за древними организмами я ехал сюда за три тысячи километров. Гораздо более близкая к нам эпоха оказалась для нас более закрытой, нежели та, которая была миллионы лет назад. Такие вот парадоксы современной цивилизации.

Но времени для размышлений у меня не было. Уже на следующий день, в воскресенье, одиннадцатого октября, в пять часов утра (!) за мной заехал транспорт, и я отправился в составе целой экспедиции (больше десяти человек на трёх машинах) — в тот самый Мадаун, в который не смог попасть накануне. Путь предстоял неблизкий: сначала 85 километров по Колымской трассе, затем поворот налево, на Тенькинскую трассу, и ещё 72 километра по грунтовке до Мадауна. Но и это ещё не конец пути! Мы планировали попасть на Арманскую

В этот субботний день я посетил Магаданский краеведческий музей.

Экспонаты музея произвели на меня очень сильное впечатление. Один этаж музея полностью посвящён ГУЛАГу. Тут и тачки из лагерей, и лопаты, и кайла, и фонари, и патроны, посуда, одежда, макеты лагерных строений и даже настоящая лагерная вышка; множество фотографий, книги и рукописи. Всё это я фотографировал, сделав несколько сотен снимков на свой телефон.

Тут же я приобрёл шесть выпусков альманаха «Краеведческие записки», издававшиеся музеем в восьмидесятые — девяностые годы.

Лагерная посуда (УСВИТЛ)

Долина реки Армань. Руины обогатительной фабрики.

осмотреть Тенькинскую трассу и её окрестности! Кстати сказать, в Магаданском УВД мне сообщили такую подробность: Петров с товарищем (а бежали они вдвоём) некоторое время прятались на Голубом озере, что в семи километрах на север от лагеря. И вот же совпадение: та команда, что взяла меня с собой, запланировала пеший поход фабрики именно к этому озеру! Это получилось случайно, но я увидел в этом высший знак. Словно незримая сила мне помогала все эти дни. В Ягодном оказался такой замечательный человек — Иван Александрович Паникаров. Там же и глава поселковой администрации Алла Михайловна Смалько; лишнего слова не говоря, она вызвала своего водителя и лично сопровождала меня и Паникарова до Хатыннаха и обратно (не взяв с нас ни копейки). В Магадане мне на каждом шагу помогал упоминавшийся выше Павел Жданов. И ночную прогулку по заливу он организовал, и в гостиницу удачно поселил, и в областное МВД помог пройти, а теперь вот организовал целую экспедицию на место Арманской обогатительной фабрики, куда давно уже никто не ездит — дорог туда нет, и никто там близко не живёт. Место заброшенное, глухое, хотя и по-своему красивое.

Достаточно сказать, что от Мадауна до фабрики мы добирались на ГАЗ-66 целых два часа — а это всего 27 километров. То по руслу реки Армань, то по изломанному льду, то по кочковатому берегу — я удивляюсь, как мы не перевернулись и никто не выпал из кузова. Но до места мы таки добрались. Это было уже в полдень. Выпрыгнули на песок и сразу увидели огромные бетонные блоки — так называемые бремсберги — устройства для спуска руды и подъёма на гору пустых вагонеток (Арманская фабрика обогащала касситерит, в просторечье — «оловянный камень»; здесь добывали так нужное стране олово). Сама гора снизу казалась не очень большой, но мы потратили целый час, пока взобрались на её вершину, откуда открывался изумительный вид на все стороны света. Хорошо просматри-

Лаптев и Жданов на месте Арманской обогатительной фабрики Съёмку ведёт оператор областного ТВ Рустам Ахметов.

обогатительную фабрику, которая располагалась в 27 километрах севернее Мадауна. Именно туда в марте 1941 года был привезён П.П. Петров из Центральной колымской больницы. С этой фабрики по обработке касситерита (при которой был лагерь на несколько тысяч заключённых) он совершил побег 31 мая этого же года. На 161-м километре Тенькинской трассы он был пойман 26 июня — всё крутилось вокруг этих мест. Как же было не побывать в Мадауне, и на самой обогатительной фабрике, не

валось русло реки Армань, виден был и ручей Светлый, уходящий на северо-запад. Вдоль этого ручья нам и предстояло пройти семь километров до Голубого озера. Этот же путь проделал П.П. Петров 31 мая 1941 года. Побег он совершил в обеденное время, по всей видимости, в хорошую ясную погоду. В следственном деле есть такие подробности: из продуктов у беглецов были три рыбины горбуши, две буханки хлеба и полкило сахара.

Тут следует сказать, что побегов на Колыме было довольно мно-

Развалины барака на Арманской обогатительной фабрике.

можно укрыться и переждать погоню. Всё открыто, всё нараспашку, на виду. И, главное, непонятно — куда следует двигаться. На север? Но это три тысячи километров по голым сопкам, по вечной мерзлоте. Да и что там, на севере? Известно что: Северный Ледовитый океан, где тоже нет ни жилья, ни цивилизации и никакого исхода. На восток тоже не пойдёшь — там огромный холодный залив Шелихова (того самого Григория Ивановича Шелихова — знаменитого мореплавателя и основателя «Русской Америки», похороненного в Иркутске на территории Знаменского монастыря); за этим заливом — полуостров Камчатка, ещё дальше — Берингово море. Если на запад взглянуть, так это несколько тысяч вёрст совершенной дичи аж до самого Байкала. А на юге — Магадан и Охотское море. Ну нужно иметь в виду, что на всех дорогах стоят оперпосты, что там и тут — лагеря, что весь этот край напоминал огромную казарму, где не было гражданского начальства, а посёлками и лагерями командовали офицеры ГБ НКВД (почти все посёлки на Колыме начинали свою историю с лагерей). У Шаламова есть рассказ про одного вольного инженера, который поехал в соседний посёлок проветриться, но забыл взять с собой паспорт. Так его остановили на первом же оперативном посту и посадили в изолятор — думали, что он беглый ээк. Избили для порядка, отобрали все деньги. Через неделю приехал его начальник и не без труда вызволил его из этой заварухи. Инженер этот вскоре после этого случая покончил с собой (таков финал рассказа под названием «Серафим»). Так то — гражданское лицо, инженер — прилично одетый и нормально питающийся, с повадками вольного человека. А если увидят обросшего оборванного человека с воспалённым взглядом где-нибудь в кустах или на обочине? В такого сразу стреляют (потом отрубают кисти рук и несут для идентификации в учётную часть — таких случаев полно). Вот и беги после этого.

Но я несколько отвлёкся. Осмотрев гору со всеми её развалинами, подобрав с земли ржавые кайла, лопаты, гвозди и костыли (часть из них я привёз с собой), мы двинулись к Голубому озеру.

Тропа пролежала среди довольно густого леса, в котором росла даурская лиственница, попадалась чизения (род ольховых), под ногами был густой мох, брусничник и целый ковёр из мелких жёлтых иголок. С одной стороны высилась крутая гора, с другой — тёк ручей Светлый. Через каждые сто метров на тропе попадались медвежьи кучи. В целом, всё было довольно мрачно, почти зловеще. Я представил, как по этой тропе шли на работу заключён-

го. Бежали, как правило летом. Но почти всех беглецов ловили. За все годы существования УСВИТЛ было всего несколько успешных побегов — об этих побегах до сих пор слагают легенды. Но это что-то вроде чуда, когда совершается нечто невозможное. В самом деле, куда можно было убежать из лагеря, расположенного в самом сердце безжизненного колымского нагорья? Дорог тут нет. И никакой цивилизации — ни посёлков (в нормальном смысле этого слова), ни жилищ, где

Долина Армани. Здесь, на склоне горы, добывали касситерит.

Голубое озеро.
Здесь скрывался во время побега П.П. Петров в июне 1941 г.

До озера мы дошли за полтора часа. Последний отрезок вёл в гору по каменной россыпи. Поднявшись метров на триста, мы попали в заросли кедрового стланика, преодолеть который оказалось очень непросто. Но продрались кое-как (а кто-то обошёл вокруг), и тогда увидели это самое озеро. В длину оно около километра, а в ширину — метров пятьсот. Образовано стекающими с гор тальми водами. Никаких рек или ручьёв в него не впадает. И ничего из озера не вытекает. Такая естественная чаша. Стоит вода — ну и ладно. Вода, кстати, холоднющая. Рыбы в озере нет. А наколоть льда для чая — это, пожалуйста. Пейте на здоровье!

Точно неизвестно, сколько дней П.П. Петров провёл на этом озере. Но ушёл он отсюда на северо-запад по направлению к Тенькинской трассе. Когда его поймали и спросили, куда он направлялся, он назвал Усть-Омчуг — крупный посёлок, расположенный на 181-м километре Тенькинской трассы. В Усть-Омчуге тогда располагалось Тенькинское горно-промышленное управление, это был крупный административный центр, управлявший множеством приисков, лагерных пунктов, командировок и подкомандировок, построенных по всей Тенькинской трассе (протяжённостью в 472 километра). (Непосредственно в посёлке был лагерь «Командантский», он стоял на берегу речки Детрин — притока

Колымы.) Весь этот район позже получил красивое поэтическое название Золотая Тенька. Знаменитый писатель Олег Куваев (который числился в Магаданской писательской организации) — автор нашумевшего, переведённого на многие языки романа «Территория», описывает в своей книге очень колоритную фигуру — начальника геологического управления Илью Николаевича Чинкова (по прозвищу Будда). В романе сказано, что в «посёлок» (а это в действительности посёлок Певек на Чукотке) — Чинков приехал из некоего золотого оазиса, за открытие которого он получил «орден, Государственную премию и окончательное признание». Так вот, этим Чинковым в действительности был Чемоданов Николай Ильич, а золото своё он откры-

Стенд на фронтоне центральной библиотеки Магадана.
(Олег Куваев — во втором сверху ряду, второй слева).

ные — измученные, голодные, с думой о том, что и завтра, и через год будет всё то же — мрачные горы, стылый воздух, ледяные бараки (а кто-то и в палатках жил круглый год), скудное питание, ежедневные побои и полная оторванность от остального мира. Нет ни газет, ни телефонной связи, ни музыки, ни книг — одна лишь работа на износ, пока не подохнешь. Неудивительно, что Пётр Поликарпович решил бежать из этого гиблого места. Я бы на его месте тоже убежал.

Привал возле Голубого озера. Журналист Анастасия Якубек, оператор Рустам Ахметов, Александр Лаптев, Андрей Осипов. Каждому есть о чём подумать.

вал как раз в районе Тенькинской трассы — это посёлки Омчак, имени Гастелло, Матросово Кулу, Нерючи, Хатыннах (другой Хатыннах, не тот, который расположен севернее Ягодного).

Но я снова отвлёкся. На Голубом озере мы провели два часа, напились чаю из растопленного на костре льда, поели печенья, снимали окрестные виды. Отойдя в сторону, я включил микрофон и записал тишину. Ту самую тишину, от которой звенит в ушах (а потом делается жутко). Да, мне стало там не по себе. И от этой тишины, и от каких-то неземных

пейзажей, от острого чувства заброшенности, страшной удалённости от живого и тёплого мира. Всё здесь было холодное, огромное, недружелюбное. Хотелось поскорей вернуться домой.

С облегчением мы собрали свои манатки, погрузились в кузов ГАЗ-66 и поехали обратно. И ещё, я забыл сказать, что в этой поездке нас сопровождала съёмочная группа Магаданского телевидения. Они готовили фильм, который впоследствии был показан по местному телевидению.

В Магадан я вернулся в десять вечера. Вошёл в тёплый гостиничный номер и долго стоял в каком-то отупении — так резок был переход от пугающих просторов Колымского нагорья — к уюту современного жилища, в котором мягкие ковры, цветной телевизор с пультом, мягкие кресла и холодильник, в который можно положить всё, что душе угодно — хоть колбасу, хоть курицу (было бы желание). Но желание было только одно — поскорее упасть на кровать.

На следующее утро, в понедельник, я отправился в областное УВД к самому главному начальнику. (Это ведомство располагалось, как нетрудно догадаться, на улице Дзержинского.) Начальник принял меня с вежливой улыбкой, выслушал просьбу и обещал помочь.

Опускаю часть событий, но после обеда в этот же день я имел обстоятельную беседу с сотрудницей информационного отдела УВД по имени Светлана Владимировна. Это была очень милая женщина лет тридцати. Она держала в руках следственное дело Петрова, ни за что не хотела выпустить его из рук. Но согласилась ответить на мои вопросы. А ещё (в первый свой приход) я оставил в УДВ книгу с очерком Трушкина о Петрове. Светлана Владимировна очерк прочитала и нашла его верным в главных деталях. Но кое-чем дополнила, в частности, сведениями о пребывании Петрова в Центральной колымской больнице на 23-м километре — с декабря 1940-го по март 1941 года.

Но она не смогла ответить на один из главных вопросов: где был расстрелян Петров и где он захоронен. В следственном деле об этом ничего не

Центральная Колымская больница на 23-м километре (современный вид).

сказано. Но рассуждая логически, мы пришли к выводу о том, что П.П. Петров был расстрелян в Усть-Омчуге, и там же захоронен. Осенью 41-го года уже действовали военные трибуналы, они выезжали «на места» и там проводили выездные заседания. В обвинительном заключении по делу Петрова было сказано:

«Работая на обогатительной фабрике № 6 ТГПУ, откуда в целях сознательного уклонения от исполнения установленного режима в ИТЛ НКВД и с целью отказов от работ для умышленного ослабления деятельности Дальстроя 31 мая 1941 года с места работы совершил групповой побег. Принятыми мерами розыска 26 июня 1941 года на 161 километре Тенькинской трассы задержан». В этом же обвинении содержались такие формулировки: «работал плохо, от работы уклонялся под видом болезни, настроен антисоветски».

26 августа 1941 года Петров П.П. приговорён к расстрелу (военным трибуналом). Приговор приведён в исполнение 23 октября 1941 года.

Кладбище возле лагеря «Днепровский» (примерно 260-й километр Колымской трассы, недалеко от пос. Мякит).

Я не очень понимаю, за что Петрова проговорили к смертной казни. Ведь он никого не убил, ничего не украл из лагеря (за исключением трёх рыбин и двух буханок хлеба). Он не совершил никакого вредительства и не помышлял совершить террористический акт. По всем признакам, это был акт отчаяния — шаг человека, доведённого до крайности, уже не отдающего отчёт в своих действиях. Но всё это было истолковано в сугубо негативном смысле, в обвинении два раза повторено страшное

слово «умышленно». Умышленно ослаблял деятельность всесильного Дальстроя, «сознательно» уклонялся от установленного режима. И вот, на основании таких зыбких обвинений человека приговаривают к смерти. И расстреливают. Что тут скажешь?..

До сих спорят о том, сколько на Колыме погибло людей. Цифры называют разные. Кто-то говорит про сто тысяч. Кто-то — про два миллиона. В купленных мною «Краеведческих записках» (выпуск № 16 за 1989 год) содержится статья Ивана Алексеевича Плахина, узника колымских лагерей, а впоследствии — члена Комиссии по пересмотру дел осуждённых в эпоху «культ личности». Так вот, Иван Алексеевич пишет в своей статье о том, что в годы репрессий на Колыме погибло семьсот тысяч заключённых! И эта цифра не кажется преувеличенной (если в одной только «Серпантинке» расстреляно несколько десятков тысяч (в некоторых источниках называется точная цифра — тридцать тысяч расстрелянных) — и это за неполных два года её существования, с 1937 по 1938 год!). А ведь расстреливали почти во всех лагерях Колымы! Да и без всяких расстрелов люди замерзали насмерть (так что трупы складывали в пустые сараи — до весны), заключённых по любому поводу убивали уголовники. И огромное количество заключённых погибло от голода, от слабости и от болезней. Возле каждого колымского лагеря были безымянные кладбища.

Приведём свидетельство Шаламова:

«За весь 1937 год на прииске «Партизан» со списочным составом две-три тысячи человек умерло два человека — один вольнонаемный, другой заключенный. Они были похоронены рядом под сопкой. На обеих могилах было нечто вроде обелисков, у вольного повыше, у заключенного пониже. В 1938 году на рытье могил стояла целая бригада. Камень и вечная мерзлота не хотят принимать мертвецов. Надо бурить, взрывать, выбрасывать породу. Целая бригада стояла только на рытье могил, только общих, только «братских»,

с безымянными мертвецами. Впрочем, не совсем безымянными. По инструкции, перед захоронением нарядчик, как представитель лагерной власти, привязывал фанерную бирку с номером личного дела к левой лодыжке голого мертвеца... Врачи боялись написать в диагнозах истинную причину смерти. Появились «полиавитаминозы», «пеллагра», «дизентерия», «РФИ». Здесь РФИ — «резкое физическое истощение», шаг к правде. Но такие диагнозы ставили только смелые врачи, не заключенные. Формула «алиментарная дистрофия» произнесена колымскими врачами много позже — уже после Ленинградской блокады, во время войны, когда сочли возможным хоть и по латыни, но назвать истинную причину смерти. «Горение истаявшей свечи, все признаки и перечни сухие того, что по ученому врачи зовут алиментарной дистрофией. И что не латинист и не филолог определяет русским словом «голод». Эти строки Веры Инбер я повторял неоднократно. Вокруг меня давно не было тех людей, которые любили стихи. Но эти строки звучали для каждого колымчанина.

Работяг били все: дневальный, парикмахер, бригадир, воспитатель, надзиратель, конвоир, староста, завхоз, нарядчик — любой. Безднаказанность побоев — как и безнаказанность убийств — развращает, растлевает души людей — всех, кто это делал, видел, знал... Конвой отвечал тогда, по мудрой мысли какого-то высшего начальства, за выполнение плана. Поэтому конвоиры побойчей выбивали прикладами план. Другие конвоиры поступали еще хуже — возлагали эту важную обязанность на блатарей, которых всегда вливали в бригады пятьдесят восьмой статьи. Блатари не работали. Они обеспечивали выполнение плана. Ходили с палкой по забою — эта палка называлась «термометром», и избивали безответных фраеров. Забивали и до смерти. Бригадиры из своих же товарищей, всеми способами стараясь доказать начальству, что они, бригадиры, — с начальством, не с арестантами, бригадиры старались забыть, что они — политические. Да они не были никогда политическими. Как, впрочем, и вся пятьдесят восьмая статья тогдашняя. Безднаказанная расправа над миллионами людей потому-то и удалась, что это были невинные люди. Это были мученики, а не герои» (рассказ «Как это началось»).

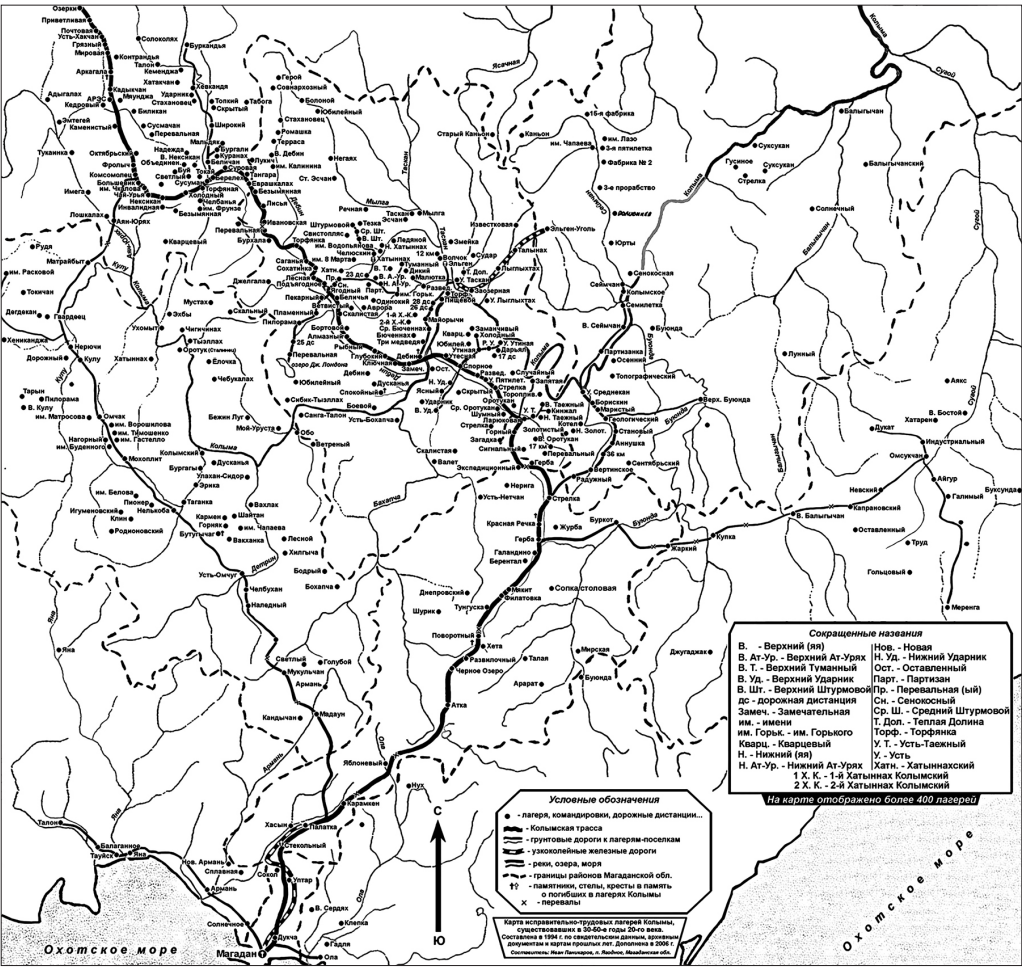
Да, люди были невинны. До сих пор никто не может объяснить, по какой причине они были уничтожены. Наверное, потому, что такой причины нет и не может быть. Содеянному нет ни оправдания, ни прощения.

Ф 30 — «Маска Скорби» — памятник скульптора Эрнста Неизвестного. Установлен на месте бывшего пересыльного лагеря в 6 км от бухты Нагаева. Сопка Крутая

В тот же понедельник, только уже вечером, я увидел своими глазами знаменитую «Маску Скорби». Это и в самом деле грандиозное сооружение высотой метров двадцать. Этот памятник стоит почти на том самом месте (только чуть выше), где располагался пересыльный лагерь, в который прибывали этапы с материка. Вид отсюда открывается очень красивый — и на город, и на две знаменитые бухты — Нагаева и Гертнера. Вот только до

красот ли было всем тем, кто сидел в этом лагере в ожидании этапа на север, в какой-нибудь Хатыннах, или в «Партизан», или в «Джелгалу», или в «Бутугычаг». Вернулись оттуда немногие. Нашли в себе силы рассказать о пережитом — единицы. Среди них Варлам Шаламов, Анатолий Жигулин, Георгий Жжёнов, Евгения Гинзбург и некоторые другие.

Карта лагерей Магаданской области. 30 — 40-е гг. (Из архива И.А. Паникарова)

Следующим утром я должен был вылететь в Иркутск. Но перед этим я ещё успел дать обширное интервью корреспонденту Магаданского радио Валерию Петровичу Кадцину. Несколько часов мы говорили о судьбе Петра Поликарповича Петрова, а также о судьбах миллионов простых советских людей, попавших под молот репрессий. Результатом этой беседы стал цикл радиопередач, прозвучавших по магаданскому радио. Потом я узнал, что на основании этой беседы в газете «Магаданская правда» была напечатана статья о П.П. Петрове. Я пишу об этом не из хвастовства, а чтобы подчеркнуть тот интерес, который был проявлен к моим исследованиям. Дело тут не во мне, а в том огромном и страшном пласте нашей общей истории, который до сих пор мало изучен и недостаточно осмыслен. Сотни тысяч окоченевших тел до сих пор лежат неопознанными в вечной мерзлоте Колымы. Незвестны их имена, родственники понятия не имеют о том, где похоронены их близкие и какими были последние часы их жизни. Всё это ещё предстоит расследовать — не для того, чтобы наказать виновных. Все виновные давно уже на том свете. И если только действительно будет Страшный Суд, то все они получат то, что заслужили. Но дело уже не в них. Мы сами должны что-то понять в себе, быть может, поправить, чтобы подобные злодеяния больше никогда не повторились. Но для начала нужно назвать вещи своими именами. Это как минимум. Это исходная предпосылка для самоочищения.

Тринадцатого октября, во вторник, в десять часов утра я уже сидел в кресле аэробуса. Место было у окна в третьем ряду. Погода солнечная, видимость идеальная. И я всё смотрел на лётное поле, на далёкие сопки, на глубокое осеннее небо и не верил, что через несколько часов я буду за три тысячи километров отсюда — на родной иркутской земле. Потом самолёт взял разбег и взмыл в воздух. Курс — на запад. Лайнер быстро набрал высоту, и уже через несколько минут я ничего не мог разглядеть на грешной земле. Впрочем, почему грешной? Земля ни в чём не виновата. Этой земле миллионы лет. Она богата золотом и оловом, нефтью и углём, в ней сокрыта вся Периодическая таблица элементов! А ещё в ней есть своя красота, своё очарование. Нужно только получше присмотреться, повнимательнее прислушаться. Когда-нибудь над этой землёй снова взойдёт тёплое южное солнце. Льды растают, а сопки покроются роскошными лесами, полными живности и движения. В тёплых водах поплывут диковинные рыбы, а над водой будут парить белоснежные чайки. Обширные территории будут заселены цивилизованными людьми — нашими счастливыми потомками. Будет всеобщая радость, а горя больше не будет. Не будет жестокости, несправедливости, унижений.

Жаль, что мы этого не увидим.

22 февраля 2016 года